

Е.А. Федосов

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГЛАЗАМИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАКАТА ПЕРИОДА 1946–1964 гг.

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6

На основе анализа текстового и изобразительного содержания плакатов СССР начального периода холодной войны выявляются основные особенности глобализации советской повседневности средствами официальной пропаганды. Определяется лозунговая и образно-символическая специфика контекстов, в рамках которых широкие массы населения вовлекались в глобальную повестку, и оценивается с точки зрения соответствия политическим настроениям обычных граждан.

Ключевые слова: СССР; холодная война; пропаганда; агитационный плакат; советский человек.

В условиях современных информационных войн государства сталкиваются с необходимостью не только отстаивать собственные глобальные интересы, но и убеждать в их значимости широкие массы людей. Тем самым, особенно значимым становится исследование способов и закономерностей влияния политических образов на повседневные настроения граждан. В этой связи, представляется актуальным изучение советской пропаганды, которая, в силу специфики официальной доктрины, практически неизменно сохраняла пристальное внимание к международной повестке.

Главным объектом анализа в статье выступают политические плакаты 1946–1964 гг., как одна из наиболее ярких, доходчивых и массовых форм трансляции идеологических установок государства в условиях эскалации холодной войны. Интерес к данному типу пропаганды обуславливается и уровнем его изученности в отечественной историографии. Плакатные лозунги, будучи самостоятельными политическими текстами, обычно находятся в тени доктринальных положений из партийных и государственных директив или публикаций со страниц периодики. Сопутствовавшие лозунгам визуальные образы подробнее рассмотрены с позиции искусствоведческих характеристик [1, 2], но их высокий потенциал с точки зрения трактовки социально-политических смыслов холодной войны раскрыт пока лишь частными, наиболее типичными сюжетами, в основном акцентированными на образе врага [3, 4]. Вследствие этого самоидентификация советского человека и его отношение к невраждебному внешнему миру освещается пока фрагментарно, ограничиваясь сравнительно небольшим корпусом визуальных источников и довольно точечными предметными рамками [5 6].

Цель данной статьи заключается в том, чтобы на основе массового анализа плакатных материалов СССР 1946–1964 гг. выявить, в рамках каких контекстов официальная пропаганда вовлекала советских людей в глобальную повестку; и определить, насколько ее призывы соответствовали мироощущению обычных граждан. В ходе исследования из порядка трех тысяч плакатов рассматриваемого периода была сделана выборка из 780 работ, текстовое или изобразительное содержание которых прямо или косвенно отражало текущее международное положение. К отобранному материалу были применены методики

контент- и интент-анализа, которые позволили типологизировать задействованные в плакатах тематические категории и образы, отследить динамику их появления и внутреннюю взаимосвязь. Немалая роль в исследовании отводится архивным материалам, которые в той или иной форме отражают характер политических настроений в СССР. К ним относятся различные отчеты о массовых пропагандистских кампаниях, включавшие прямые отклики граждан, а также письма советских людей, адресованные верховной власти. Представленные в них суждения о каких-либо политических событиях или явлениях группировались по социальному типу адресанта и, в соответствии с методом экстраполяции, рассматривались в качестве вероятной его реакции на соответствующие плакатные образы.

После окончания Второй Мировой войны огромное влияние СССР на развитие глобальной повестки не могло не усилить внимания властей к внешнеполитическому направлению пропаганды. Для плакатистов базовым стало постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках и мерах улучшения издания политических плакатов» от 30 ноября 1948 г. Оно отмечало большое мобилизационное значение плаката в годы Великой Отечественной войны, констатировало некоторый рост качества и разнообразия выпускаемой на тот момент продукции, но критиковало издательства за малый выпуск плакатов, «показывающих борьбу Советского Союза за прочный мир и безопасность народов» и «разоблачающих поджигателей новой войны» [7. С. 603]. Обсудив постановление, Комитет по делам искусств при Совмине СССР наметил на 1949 г. проведение всесоюзных закрытых конкурсов плакатов по данным направлениям, что явно свидетельствует об их приоритетности [8. 11 дек.]. Интересно, что спустя почти четыре года в директивной статье «Правды» от 25 апреля 1952 г. «Улучшить качество политического плаката» можно обнаружить почти ту же, что и в 1948 г. фразу о малом освещении борьбы «за прочный мир и безопасность народов, против поджигателей войны» [9. 25 апр.]. Несмотря на наличие подобных критических замечаний, практически с самого начала холодной войны идея мира на долгие годы стала одним из главных императивов наглядной агитации. Так, анализ текстовой части агиток на внешнеполитические темы периода 1946–1964 гг. показал, что при-

мерно в 45% из них содержалась мирная риторика. Присутствие понятия-антипода «война» (включая синонимы) с 1949 г. также несколько участилось, что может быть объяснено не только откликом на требование партии активнее разоблачать ее поджигателей, но и объективным ростом напряженности в связи с созданием блока НАТО, а затем и началом корейского конфликта. Другая любопытная черта общего числа проанализированных плакатных лозунгов заключается в их относительной деидеологизации: такие ключевые политические категории как коммунизм, социализм, капитализм или империализм охватывают лишь около 16% текстов.

В целом, независимо от уровня распространения тех или иных текстовых категорий, плакаты были призваны не только формировать отношение граждан СССР к внешнему миру, но и делать самих советских людей фактическими участниками холодной войны на разных ее фронтах. При этом возникали определенные типы героя, порой обладающие собственной подсистемой образов и символов.

«Коль ползут к нам опять, разобьем их снова!»

Весьма закономерно, что самые ранние отсылки к внешнеполитической обстановке проникли в плакаты на армейские темы. Так, среди агиток за 1946 г., абсолютное большинство которых было посвящено внутренним сюжетам, выделяется работа художника В. Корецкого «Товарищ, работай и будь спокоен, твой мирный труд охраняет воин!». Главным ее героем стал советский солдат, олицетворявший идею защиты сограждан от пока незримой, но уже, очевидно, назревшей угрозы. В целом по рассматриваемому периоду, в плакатах с внешнеполитическим подтекстом образ *военнослужащего* раскрывался примерно в 18% сюжетов. С 1948 г. советские военные начали более интенсивно позиционироваться как фактор глобальной безопасности, и в остроумном плакате В. Говоркова старший сержант, фронтовик говорит «Не балуй!» именно Дяде Сэму, вооруженному атомной бомбой. Как впоследствии писала пресса, эта агитка пользовалась заслуженным успехом у зрителя [8. 4 дек]. Со времен празднования 30-летия вооруженных сил в наглядной агитации стала популярна идея битого «предшественника», нередко выраженная в виде метафоры «урок врагам» и призванная укреплять советских людей в решимости противостоять новым потенциальным агрессорам. В плакатах на эту тему боевой советский воин обычно противопоставлялся или жалким, подцепленным на штыки интервентам прошлого, или уже современным американским милитаристам, исполненным в карикатурном виде¹.

Несмотря на боевитость образов, лозунги армейской наглядной агитации выдерживались в духе обороны. Красноречиво об этом свидетельствует плакат, посвященный артиллеристам «Нас не трогай, мы не тронем!» (1954), своеобразным пояснением к которому стала цитата из речи Г. Маленкова на XIX съезде ВКП(б)-КПСС: «...неуклонно отстаивая политику мира, наша партия в то же время, помня о враждебном окружении, неустанно крепила оборону страны,

чтобы встретить врага во всеоружии...» (рис. 1). Вместе с тем, по агитационным материалам хорошо видно, как менялся образ защитника. Например, в 1954 г. вышел плакат «Мы на мирный разговор приглашаем нации, но сумеем дать отпор всякой провокации». Главный герой здесь простой солдат, от которого требовалось лишь совершенствование воинских навыков, бдительность, меткость стрельбы и т. п., чтобы отбить провокационный выпад противника. Но в 1961 г., когда обстановка вокруг Берлина и Кубы накалила отношения между двумя лагерями до предела, на плакате Ю. Чудова «Мы готовы дать отпор агрессору» появился офицер-капитан, оператор ракетных войск, за которым стояла мощь новейших советских танков, самолетов, подводных лодок и непременно ракет. Здесь приведено и заявление Н.С. Хрущева от 7 августа 1961 г. в ответ на берлинский кризис. С символической точки зрения, различное *оружие*, причем обладавшее как положительным (свое), так и отрицательным (чужое) смыслом присутствует почти в трети всех плакатов на внешнеполитические темы. Большая часть его изображений закономерно пришлась на время эскалации Корейской войны – 1950–1952 гг. (62 плаката), а также на напряженные 1960–1962 гг. (61 плакат). При этом, несмотря на оборонное и миротворческое² назначение армейской визуальной пропаганды, официальная критика порой предостерегала художников и редакторов от излишнего пацифизма, призывая не вручать советским солдатам «белого голубка» вместо оружия [10. С. 134].

Очевидно, на восприятие агитации на оборонные темы влияло недавнее военное прошлое граждан СССР. Они рассматривали за океанского противника, как продолжателя агрессивных устремлений гитлеризма, и выражали готовность активно бороться с ним. В весьма жестком тоне на одном из партийных собраний осенью 1951 г. по этому поводу высказался томский рабочий Осипов, судя по всему, участник войны: «Немецко-фашистские варвары убивали наших детей, стариков и женщин. Они разрушали нашу культуру. Этого хотят сейчас американские империалисты. Я заявляю, что у них не выйдет» [11. Л. 63]. «На моих глазах проходила война. На своих плечах перенесли ее советские люди... Мы не хотим войны, но если нас тронут, мы покажем, что умеем защищать свою Родину», – был убежден мастер томского подшипникового завода Григорьев в декабре 1954 г. [12. Л. 101]. Среди подобных суждений звучала и фигурировавшая в плакатных лозунгах метафора «урок врагам»: «Кровожадные империалистические хищники Уолл-Стрита еще до Октябрьской революции мечтали быть господами мира так, как мечтала гитлеровская Германия, но урок гитлеровцев империалисты Америки и Англии забыли быстро. Но пусть они помнят, видят и знают... мы, советские люди, зорко глядим за поджигателями войны», – говорил слесарь Н. Камынин [13. Л. 108].

Данным высказываниям свойственно довольно активное, наступательное отношение к проблеме сохранения мира и безопасности. Этот путь понимался, как *борьба* против самой угрозы войны, в том числе, в форме более решительного отпора любым проявлени-

ям агрессии. Такая позиция прослеживалась и в письмах к Н.С. Хрущеву, написанных в тревожные дни Карибского кризиса. Вот что писал бывший армейский разведчик Н. Крижановский: «Мы больше не можем уповать на разум по своей природе правительства агрессивного и безответственного (американского. – *Е.Ф.*)... Конечно, мы не хотим войны, но если другого выхода нет, то мы всегда готовы умереть за правое дело. Мы, бывшие фронтовики, знаем этих вояк!» (подчеркнуто в источнике. – *Е.Ф.*) [14. Л. 60 об-61]. В другом письме полный кавалер Ордена Славы И.А. Бородулин напомнил об ответственности каждого человека за сохранение мира на земле, и, в то же время, призвал не поддаваться на шантаж агрессоров: «Мы, советские люди, а вместе с нами и народы социалистических стран, и люди всего мира, должны и обязаны иметь твердость своих позиций, веру в свой успех... Мы, русские, войны не хотим, для этого мы слишком любим мир и труд, но, если ее нам навяжут, помимо нашей воли, мы к этому должны и обязаны всегда быть готовы» [15. Л. 114]³. С фронтовиками согласился бы и действующий офицер (возможно, также участник боевых действий), капитан Гурьев из Житомирской области. Благодаря Хрущеву за миротворческую политику, военнотрудовой все же полагал, что «волчью натуру империализма» остановит только страх, который приходится использовать в борьбе за мир. И поскольку необходимость постоянно защищаться становится основным тормозом в решении задач строительства коммунизма, «наглости империалистов нужно положить конец быстро и решительно» [15. Л. 106]. Впрочем, жесткий настрой был присущ не только мужчинам средних лет с военным опытом. Например, некая Магницкая писала: «Мы... отстаиваем справедливость, а потому нам не страшны никакие угрозы, а если война, так после нее уж не останется таких как Кеннеди. За это не жалко и жизни» [14. Л. 25]. Думается, что материалы, пропагандирующие мощь советских вооруженных сил, в том числе с помощью карикатурного образа врага и изображений новейшего оружия, позитивно воспринимались сторонниками подобных взглядов.

«200% плана в ответ зачинщикам новой войны!»

Заметная доля плакатов на международные темы содержала образ *человека труда* – в 22% рассмотренных агиток присутствовала фигура промышленного или сельскохозяйственного работника. В газетной статье, посвященной первым итогам агитационной кампании в поддержку мира, отмечалось, что «героический труд каждого советского человека и есть его вклад в дело мира», – эта же простая, но патетическая идея стала «главной особенностью плакатного искусства 1950 года» [16. 9 янв.]. Также признаком успешного выполнения пропагандистской работы считалось размещение трудовых и мирных лозунгов в едином повседневном пространстве. «На предприятиях, в красных уголках, клубах, общежитиях и на улицах города обновлена *наглядная агитация, призывающая к борьбе за мир и за перевыполнение производственных планов...* в цехах сделаны доски показателей [ра-

бочих], вставших на вахту мира» (курсив мой. – *Е.Ф.*), – говорилось в отчете о проведении в Томске кампании по сбору подписей в поддержку заключения Пакта мира в сентябре 1951 г. [11. Л. 9]. Именно через созидательные темы глобальная повестка проникала в региональные плакаты. Ярким примером тому служит агитка, изданная в Астрахани: «Больше рыбы для страны – крепче удар по поджигателям войны!» (1950); или в Куйбышеве: «Великие стройки коммунизма – удар по поджигателям войны» (1951) (рис. 2). На них, с одной стороны, видим карикатурных западных политиков, факелы войны и бомбы, а с другой, обычного рыбака с огромной пойманной рыбой, молодых строителей, мирную технику.

В рамках данного направления пропаганды во многом образцовыми были признаны произведения известных советских плакатистов В. Корецкого «Мир победит!», А. Кокорекина «Каждый % сверх плана – удар по поджигателям войны», В. Иванова «Во имя мира!», А. Коссова «Пусть буржуазия мечется...» (все 1950). Их герои в пику внешним врагам запускали гидроэлектростанции, плавил сталь или просто в момент отдыха читали новости об «очередных приступах безумия» на Западе, но всех их объединяло «служение миру» и «спокойная уверенность в торжестве коммунизма» [16. 9 янв.]. Постепенно подобные сюжеты обрели и свои «штампы». К ним, например, можно отнести образ занятого кладкой дома каменщика. Часто иллюстрируя внутреннюю трудовую жизнь, он не раз наделялся международным подтекстом, олицетворяя вахту мира⁴. Из этого не следует, что сами по себе данные плакаты были плохи по изобразительному или идейному содержанию, но из-за сцен, примелькавшихся зрителю, они могли утратить агитационную силу [17. С. 223]. Можно легко заметить, что изображения не переставших созидать борцов с поджигателями войны, изначально вдохновлялись фигурой промышленного *рабочего*. Однако выдвинутый Н.С. Хрущевым в 1957 г. призыв – «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения» – сделал непосредственными участниками международной конфронтации и различных сельскохозяйственных работников. Так, они присутствуют в 22 агитках с внешнеполитическим подтекстом, охвативших период 1957–1962 гг. При этом за всё предшествующее десятилетие плакатов такого плана обнаруживается вдвое меньше.

Идея труда, как вклада в глобальную повестку, довольно прочно вошла в быт граждан СССР. Ярким примером тому служат суждения различных по статусу и жизненному опыту жителей Томской области, зафиксированные в отчетах о массовых антивоенных кампаниях начала 1950-х гг.: «наша родина – крепость мира, чем сильнее и богаче наша страна, тем прочнее фронт мира... наш труд – главное оружие в борьбе за мир» (комсомолки Зюзина и Минякова); «чтобы не было войны, чтобы жить счастливо и зажиточно, я думаю нужно честно и добросовестно трудиться» (колхозница Еремина); «самым лучшим вкладом в дело мира будет наш труд – труд советского человека, честный и добросовестный» (работник аптекоуправления Пеньковская) [11. Л. 24; 13. Л. 38,

100]. Трудовым подъемом были полны слова рабочего томского электромеханического завода Власова: «Мы советские люди – люди мирного труда, мы хотим радостно и мирно трудиться, не покладая рук, для нашей прекрасной Родины, я беру на себя обязательство в дни вахты мира выполнять по три нормы за смену», – далее в отчете подтверждалось, что Власов выработал норму на 325% [11. Л. 89]. Подобные высказывания обычно характеризует тенденция говорить от имени всех сограждан, и советская идентичность в данном случае проявляется, как осознанное стремление к мирному созиданию. Почти всегда следовало и обещание личного вклада в общее дело. Причем глобальный смысл могла обрести любая по-

зитивная деятельность, в том числе и не предполагающая ударного труда. Так, учащийся Добжинский заявил осенью 1951 г., что «крепить мир мы, студенты, будем отличной учебой в новом учебном году» [Там же. Л. 16]. Взятие различных обязательств, как форма одобрения внешнеполитических шагов государства, характерно и для писем во власть, присланных в начале 1960-х гг. Тем самым, можно сказать, что агитация на «глобально-трудовые» темы получила свой отклик у населения. Но, как представляется, ее сюжеты фактически слились с рутинным фоном повседневности, и со временем с их помощью было уже сложнее сформировать качественно новые мобилирующие идеи.

Рис. 1. Худ. Б. Решетников (1954)

Рис. 2. Худ. И. Цыбульник (1951)

«Борясь за мир, ты помни каждый час родные, дорогие лица эти...»

Еще одна форма личного участия советских граждан в глобальном антивоенном движении заключалась в подписании знаменитого Стокгольмского воззвания (1950 г.), а чуть позже и в аналогичной поддержке обращений за заключение Пакта Мира (1951 г.) и против подготовки атомной войны (1955 г.). Каждая из подобных кампаний находила отклик в наглядной агитации, и значительная роль в ней отводилась образу *материнства и детства*⁵. Лучшие работы такого плана несли заряд особого душевного напряжения, другие могли критиковаться за мягкость, не столь убедительную для острой темы [16. 9 янв.; 17. С. 223]. Но, так или иначе, «защита детей – будущего человечества – от угрозы войны была главным аспектом темы борьбы за мир в плакате на протяжении всего послевоенного периода, и образ женщины-матери, требующей мира, – одним из ведущих в плакатном искусстве», – писала искусствовед Г. Демосфенова в 1962 г. [17. С. 206]. Это вполне доказуемо и статистически: порядка 44% плакатов с мирной риторикой содержали изображения женщин или детей, а иногда и те, и другие присутствовали одновременно. Примерно такую же роль они играли и в визуализации интернационалистических лозунгов. Тем самым, глобализация советской повседневности обретала глубоко личностный, семейный подтекст.

Начало этим тенденциям во многом положила работа В. Иванова «Матери всего мира, боритесь за мир!» (1949), которая была высоко оценена критикой за подлинный реализм и силу чувства, «показанного в

выразительном взгляде и жесте» главной ее героини [16. 9 янв.] (рис. 3). Обращает на себя внимание и книга «Молодая гвардия» в руках ее сына-пионера. Память о прошедшей войне влияла на характер данных агитационных сюжетов порой даже без явной визуальной отсылки, на что указывала плакатист Н. Ватолина. Так, в 1957 г. на улицах Москвы, глядя на веселую шумную толпу участников Всемирного фестиваля молодежи, она «не могла отделаться от воспоминания» о том, как именно здесь в 1944 г. мелькали лица пленных немецких солдат. «Может быть, драматизм этого сопоставления, точно прикосновение самой истории, заставил меня особенно непосредственно почувствовать остроту и значимость великой темы борьбы за мир», – заключила художница [18. С. 47]. На волне этих чувств, в частности, был создан плакат «Не для войны сыновей мы растим» (1957), где, прославляя счастье мирной жизни, «поднятые руками молодых матерей, резвятся черный, желтый и белый мальчуганы» [19. 11 янв.]. Эта и подобные работы сделали Н. Ватолину общепризнанным мастером визуализации идеи мира и дружбы посредством образов материнства и детства [17. С. 238]. К ним не переставали обращаться и другие плакатисты. Например, когда «яд “холодной войны” коснулся даже сознания детей», В. Иванов создал плакат «Не надо войны!» (1962) [20. С. 46–48]. Он изобразил олицетворяющую будущее девочку, которая закрылась рукой от невидимой, но абсолютно понятной угрозы. Как вспоминал художник, работу над этим сюжетом отли-

чали творческий подъем, высокая потребность сохранить тон искренности и правды, что впоследствии было позитивно воспринято и зрителем [Там же].

Интересно, что почти одновременно В. Иванов работал над агиткой «За всеобщее и полное разоружение», где главным действующим объектом стал магнит, который как бы вытягивает со всей планеты средства ведения войны. Однако, как отмечал впоследствии плакатист, слабость этого сюжета оказалась в том, что, пробуждая мысли, он не задевал чувств, в отличие от образа девочки [Там же]. Но даже в априори эмоциональные изображения женщины и детей художник-агитатор обязан был внести какую-либо новую мысль, поскольку в противном случае был «риск скатиться на путь излишней умиленности и сентиментальности», допустив фальшивую ноту [Там же]. Остается лишь добавить, что защита детей от угрозы войны была одной из тех универсальных тем, которые вбирали сразу несколько контекстов. Например, на плакате И. Тоидзе «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» (1963) изображен рабочий, т.е. человек труда, который выполняет и функцию защитника, разгоняя могучими руками тучи над черным, белым и желтым ребенком, которые в свою очередь символизируют и детство, и интернационализм. При этом сам плакатный лозунг вообще выражает противостояние архетипических категорий.

Многочисленные заявления советских граждан в поддержку всеобщего мира весьма часто были проникнуты глубоким родительским чувством. Само по себе, оно воспринималось как источник мощной общественно-политической воли: «Женщины-матери не допустят того, чтобы кровь наших детей невинно проливалась из-за кучки американских богачей» – была убеждена служащая судоверфи Шубина в конце 1953 г. [13. Л. 121]. Двумя годами ранее в одну из сибирских районных газет пришло письмо многолетней матери, потерявшей сына в годы Великой Отечественной войны, А.Г. Рязановой, которое также отличалось особым эмоциональным настроением: «...как все матери, я ненавижу англо-американских поджигателей войны, мечтающих пролить реки крови наших детей и нажать миллионы прибылей на страдании, горе и крови трудящихся» [11. Л. 76]. Памятью о личных утратах военных лет мотивировались и конкретные шаги по укреплению мира. Так, осенью 1951 г. ставя подпись в поддержку заключения Пакта Мира, 58-летний колхозник П.Д. Боюсов произнес: «За свободу и за счастье людей погибли три сына. И когда я слышу, что подлая кучка бандитов готовит для народов новую бойню, в моем отцовском сердце закипает жгучая ненависть, горячий протест против войны» [Там же. Л. 84]; или, например, слова работницы фабрики Бактиной: «Я не могу спокойно подписывать, так как в эту минуту передо мною встают светлые образы моих двух покойных сыновей» [Там же. Л. 88].

К началу 1960-х гг. в число последовательных сторонников миротворческих взглядов вошли и представители молодого поколения («дети войны»), у которых могли быть уже свои семьи с маленькими детьми. Впрочем, с ними по-прежнему солидаризировались и

некоторые фронтовики, морально не допускавшие повторения пережитых бедствий. Например, участница обороны Москвы и мать погибшего солдата, пенсионерка З.С. Марголина писала в 1962 г., что само слово война «страшно всему человечеству, всему земному шару, в особенности матерям <> в какой бы стране они не находились, какой бы цвет кожи у них бы не был» [15. Л. 6]. С ней согласилась бы и 22-летняя Н.Н. Илларионова: «Война унесла самое главное для ребенка, отца и мать. Росла круглой сиротой... У меня есть сын, я не хочу, чтобы он проливал слезы, страшась ужасов войны. Мне хочется сказать в один голос со всеми женщинами-матерями, чтобы наши дети, наше будущее, не повторили судьбы своих матерей... Чтобы всем детям улыбалось солнце, дружба и любовь на всем земном шаре, а не ужасы войны и взрывы» [21. Л. 24]. Большой родительской тревогой были закономерно проникнуты мысли некоторых граждан во время Карибского кризиса: «Мы были сильно взволнованы. А дети наши, кое-кто плакал и говорил: “Папа, будет война или нет?” – я отвечаю: “Нет, дочь, не будет”» (С.А. Лапшин, рабочий, Харьков); «“Папа, а что мы будем делать, когда начнется война?” – спросил меня наш трехлетний сын дрожащим голосом и заплакал... Я холодею, вспоминая вопрос нашего младенца» (И. Петров, Москва); «Не могу смотреть на озабоченные детские лица, которые, также как и взрослые, переживают тревожные дни...» (С.А. Брызгалова, библиотекарь, Краснодарский край) [15. Л. 10, 47, 51]. Авторов подобных писем часто объединяло чувство глубокой благодарности Н.С. Хрущеву за мирное разрешение международных конфликтов и разумный компромисс, который, как казалось, может быть достигнут в диалоге с политическими оппонентами. Этим они несколько отличались от сторонников более наступательной концепции борьбы за мир.

С большой долей уверенности можно сказать, что агитационное воздействие плакатных образов материнства и детства оставалось весьма высоким. В них советские люди легко узнавали как себя, так и своих сыновей или дочерей. Деталью, безусловно усиливающей данные плакаты, также вполне можно считать любую отсылку к Великой Отечественной войне. В комплексе все это давало возможность ощутить глобальную повестку на особом эмоциональном уровне личностных переживаний.

«Единой волей мы сильны...»

Количественный анализ показывает, что в рассматриваемый период в среднем призыв каждого четвертого плаката выражал интернационалистические идеи. Заметим, что само понятие «интернационализм» напрямую практически не употреблялось в лозунгах, но семантически оно было заложено в различные варианты солидарности: «народы мира», «весь мир», «миллионы», «вместе», «все / всеобщий» и близкие им по смыслу обобщения «любой», «каждый», «единый» и т.п. Ярким примером подобной агитации служит плакат Н. Ватолиной «Каждый, кто честен, встань с нами вместе!» (1953) (рис. 4). Интересно, что

спустя почти два десятилетия, художница отмечала недостатки этой своей работы. Чтобы показать «обобщенный образ молодежи, вступающей на путь борьбы за мир», она применила «наивное перечисление людей различных национальностей», добавив лишние мелкие флажки с надписью «мир» на разных языках, но, несмотря на создавшуюся образную «многословность» и «скованность», в свое время агитка была хорошо принята [18. С. 40]. В этом плакате советский человек был помещен в колонну воображаемой общемировой демонстрации. Так формировался еще один тип героя – *интернационалиста*. Но в данном случае агитационная функция этого героя определялась не столько его собственной ярко выраженной социальной ролью, сколько сопутствующим ему образом *дружественного другого*.

Визуализация идеи сплочения народов мира вокруг СССР обрела некоторые устойчивые символические приемы. К ним следует отнести уже упоминавшееся выше изображение *колонны* людей, которое присутствует в 94 плакатах на внешнеполитические темы. В работе художника А. Доброва «Простые люди стран капитала за мир и дружбу с Советским Союзом» (1952) было изображено, как советский и западный рабочий жмут руки на фоне красного знамени и московской высотки с одной стороны, и заполненной рядами демонстрантов улицы, видимо нью-йоркской, с другой. Среди известных нам примеров наглядной агитации, здесь впервые был использован символ *рукопожатия*, впредь нашедший применение в 45 других агитках. «Тем, кто за мир, мы протягиваем руку!» (худ. В. Корецкий, 1956), – говорилось в одном из плакатных призывов. Очевидно, не без влияния подобных сюжетов, к исходу рассматриваемого периода в политическом лексиконе советских граждан образное выражение «протянуть руку» или «рука дружбы» закрепилось, как некая устойчивая метафора, описывающая внешние отношения СССР в позитивном ключе [14. Л. 19; 15. Л. 10, 23; 22. Л. 49 об.]. Приближение Всемирного фестиваля молодежи в Москве привело к созданию наглядной агитации, в которой интернационалистические идеи порой выражались и с помощью национальной символики, в том числе, западных стран. В частности, на плакате Н. Смоляка «Навстречу празднику юности и мира» (1956) белого голубя выпускает девушка, своеобразный шарф которой образован из флагов различных по социально-политическому строю государств. В символизме всеобщего единения еще дальше шла работа М. Писаревского «Парни, парни, это в ваших силах землю от пожара уберечь...» (1958), иллюстрировавшая слова особенно популярной в то время песни⁶: каждый человек, взявший за руку ближнего, образует цепь защитников мира. В ней помимо представителей соцлагеря нашлось место и американцу, и англичанину, и многим другим.

В целом, гражданин любой страны, независимо от ее принадлежности к враждующим блокам холодной войны, мог позиционироваться как единомышленник советского человека. В этом заключалась принципиальная позиция пропаганды, которая закрепилась в первые же годы конфронтации. Так, еще в 1950 г. в

газетном отзыве на выставку плакатов и карикатур под названием «Борьба за мир, против поджигателей войны», было особо отмечено, что, обличая западный капиталистический лагерь, она ярко показала и «**настоящих людей Запада**: американских, английских, французских рабочих, негров, представителей прогрессивной интеллигенции» (выделено в источнике. – *Е.Ф.*) [23. 23 мая]. В этой связи следует отметить, что выпускались агитки, в которых дружественный другой являлся центральным действующим лицом, а советский гражданин порой не присутствовал вовсе. Примером тому может послужить ранняя работа И. Ганфа «Народы мира не хотят повторения бедствий войны (Сталин)» (1949). Сталинское высказывание здесь олицетворяла фигура рабочего из Европы, всем своим видом говорившего решительное «нет» заокеанскому мистеру, у которого «помощь» по плану Маршалла идет рука об руку с милитаризацией по линии НАТО. На втором плане композиции – над рядами демонстрантов видны транспаранты со здравницами в адрес СССР на западноевропейских языках.

С 1956 г., в свете событий Суэцкого кризиса, в тираж пошли антиколониальные лозунги, а вместе с этим в качестве главных героев агиток все чаще начали выступать представители арабских, африканских и латиноамериканских народов, ставших на путь национального освобождения. Так, они присутствуют примерно в 31% от внешнеполитических плакатов за 1956–1964 гг. Этот показатель представляется весьма значительным, учитывая, что далеко не все освободительные движения имели явную социалистическую окраску. И, тем не менее, чувство солидарности с ними по замыслу официальной пропаганды должно было стать частью советской повседневности. «Болью и гневом отозвалась в сердцах советских людей весть о нападении захватчиков на славный, вольнолюбивый народ Египта. Эти благородные чувства получили отражение и в <> произведении молодого способного художника Н. Терещенко», – именно так в прессе был охарактеризован мотив плаката «Долой колонизаторов!» (1956), в центре которого египетские патриоты под национальным знаменем [24. 24 нояб.].

В целом, антиколониальные и антиимпериалистические лозунги, как и олицетворявшие их образы, редко отождествлялись с какой-либо одной страной и носили скорее собирательный характер. Более конкретным воплощением положительного образа другого являлись *союзники СССР* по социалистическому лагерю. Среди наглядной агитации на международные темы, плакатов, прямо призывавших крепить дружбу и солидарность с ними, выходило сравнительно немного (около 6%). Но к этому следует добавить внетекстовые формы пропаганды идеи союзничества. Так, уже в 1948 г., когда политический процесс формирования соцблока еще активно продолжался, К. Иванов создал агитку «За мир! За народную демократию!», где помимо прочего присутствовала вереница государственных флагов прокоммунистических восточноевропейских стран. К аналогичной символике художник прибегнул в другой своей работе «Мир победит войну!» (1950) (рис. 5). Но здесь знамена служили не просто элементом композиции, а стали действующи-

ми объектами сюжета, образуя древками нечто вроде молнии, бьющей «по мертвенно серым фигурам поджигателей войны», в лице Трумэна и Черчилля. Высоко оценив идейные и художественные качества этой работы, официальная критика констатировала в частности, что «строительство новой жизни в странах народной демократии, дружба народов этих стран и любовь их к Советскому Союзу – оплоту мира» – еще только ожидает своего раскрытия в наглядной агитации [16. 9 янв.].

Пример портретного изображения союзников обычно являли собой плакаты, посвященные укреплению двусторонних отношений. Классической для них стала следующая образно-символическая схема: две мужские (реже женские) фигуры на фоне государственных флагов олицетворяют лозунг-здравицу в адрес дружбы СССР с конкретной страной соцлагеря, продублированный на ее национальном языке. Герои данных агиток часто наделялись пролетарскими чертами, указывая на классовую природу содружества, а иногда их помещали непосредственно в производственную среду. Особенно этим отличались распространённые в 1950-е гг. плакаты на тему советско-китайского сотрудничества⁷. Несколько иными сюжетными рамками обладала наглядная агитация в поддержку стран, солидарность с которыми проявилась в ходе экстремальных событий, таких как Корейская война или Карибский кризис. Советский человек здесь мог и отсутствовать, а центральное место занимали изображения сражающихся корейцев или кубинцев, внешний облик которых был заметно военизирован. При этом боевые действия в Корее позиционировались как отпор преступному вторжению американской военщины, что предполагало внимание плакатистов к образу врага, который изображался порой уже разбитым некой аллегорической силой – рядами штыков или снарядами, украшенными северо-корейским флагом⁸. Спецификой же сюжетов на кубинскую тему можно считать шестикратное присутствие Ф. Кастро в плакатах 1961–1963 гг. Это было уникально для советской визуальной пропаганды, поскольку образ руководителя дружественной страны ранее раскрывался единично, лишь изображением Мао Цзэдуна⁹.

Интернационалистическое сознание советских людей проявлялось регулярно и в разнообразных формах. Как и в случае с плакатными призывами, в рассматриваемый период часто оно выражалось в категориях всеобщности. «Мы хотим мирно жить со всеми, кто хочет нашей дружбы», – заявил томский студент Джигов на одном из собраний осенью 1951 г. [11. Л. 7]. Давая какую-либо политическую оценку, некоторые граждане проецировали ее не только на соотечественников, но и на «всех честных людей». Например, сотрудник киевского аэропорта, коммунист П.П. Григорьев так оценил обращение Хрущева к Кеннеди на исходе Карибского кризиса: «Каждый истинный патриот своей страны, каждый честный человек на земном шаре <> был обрадован и успокоен Вашим миролюбивым посланием» [14. Л. 110 об.]. Существовала вера в то, что социалистические государства несут всеобщий гуманистический идеал мироустройства. Весьма показа-

тельно его описала в феврале 1961 г. жительница Омской области Л. Беккер: «Страны (народной. – Е.Ф.) демократии, Советский Союз не жаждут чужие земли, чужие богатства, не жаждут чужой крови, против войн, против всякой неправды, несправедливости... чтобы все честные люди на земле жили в мире, дружбе, свободно от угнетения, независимо, и боролись за счастье народа» [25. Л. 5]. При этом, сохраняясь в рамках привычных классовых категорий, интернациональный долг советского человека выходил уже за пределы биполярной логики борьбы социализма с капитализмом. Подобные мысли читаются в письме участника войны, беспартийного В.Я. Чилингарова (ноябрь 1962 г.): «Освобожденные народы, несмотря на различие с нами своего политического уклада... надеются на нашу Великую Пролетарскую страну, как на верную поддержку в их беде, в нашей интернациональной бескорыстной вырубке» (курсив мой. – Е.Ф.) [15. Л. 62].

Антиколониальные лозунги хорошо вписывались в готовность некоторых граждан с оружием в руках участвовать в дальнейшей судьбе народов. Так, когда гремел Суэцкий кризис, комсомолка из Томской области, медицинский работник Агеева, телеграфировала в райком КПСС о своей желании поехать добровольцем в Египет, а ее земляк рабочий Храмцов заявил на митинге: «Египетский народ нуждается в помощи и мы, советские люди, должны эту помощь оказать... и если потребуется, то грудью встану на защиту Египта» [26. Л. 144]. А в потенциальный «добровольческий корпус» для помощи конголезскому национально-освободительному движению, о создании которого в начале 1961 г. просил один из рабочих, вступили бы люди с опытом и боевой биографией, как, например, 52-летний «бывший чекист» из Московской области В.А. Удалов или большая семья Фохтиных из пяти братьев и отца, коммунистов, уже бывших добровольцами в Китае (хотя не ясно в ходе какого конфликта) [25. Л. 41, 44–45]. Наряду с многочисленными словами солидарности, аналогичные предложения поступали и в связи с событиями вокруг Кубы осенью 1962 г.

Однако после отставки Н.С. Хрущева, вместе с критикой его внешней политики, проявились и иные взгляды на практику советского интернационализма. Далеко не безоблачным казалось социалистическое единство. С точки зрения некоторых граждан самой серьезной ошибкой, которую предстояло исправить, было ухудшение отношений с Китаем. В этой связи 17 октября 1964 г. некий Сидоров из г. Орша (БССР) откликнулся на весть о переменах в советском руководстве плакатно-лозунговой здравицей – «Да здравствует дружба с великим китайским народом!» – уже подзабытой официальной пропагандой [22. Л. 20 об.]. О прямой заинтересованности внешних врагов в росте разногласий внутри соцлагеря написал 45-летний житель Самарканда М.П. Тепляков: «...Разве они, т.е. Джонсоны, не радуются, что от нас откололись социалистические государства: Китай, Корея, Вьетнам и Албания, – конечно, рукоплещут, хвалят Хрущева и смотрят, как быстро развалится социалистический лагерь, а потом в одиночку раздавят нас» [27. Л. 104].

При этом не все советские люди разделяли лозунги дружбы с «полуфашистами» и «националистами южных стран» [27. Л. 37, 88] – в целом именно так, несмотря на пропаганду, некоторые граждане представляли себе режимы постколониальных государств. Оставшийся безмянным москвич, например, отмечал, что, развалив (!) социалистический лагерь, Хрущев принял «лобызать королей, президентов и диктаторов...» [22. Л. 96 об.]. Критика идеологической неразборчивости внешнеполитического курса, и, как следствие, сомнения в перспективах союзничества тесно сплетались с вопросом о целесообразности экономических трат «на друзей». В частности, неизвестные авторы из Одессы, не стеснявшиеся в выражениях, указали новым руководителям на то, что главной ошибкой было «превращение страны в дойную корову для всех, кому не лень. Перечислить всех этих “братьев”-иждивенцев нет возможности. Некоторые из этих братьев за страдания нашего народа уже достаточно подло отплатили (Албания, Китай, Корея, Вьетнам, Румыния и др.)» [27. Л. 56]. В наиболее крайних суждениях резко критиковалась не только практика международных отношений, но и сами идеи, к которым апеллировал СССР: «Лозунг гуманность,

счастье, братство – это же только для негров и китайцев, а для нас это сказки» – восклицал 50-летний А. Балахонов из Новосибирска [27. Л. 33].

В целом, можно сказать, что общество разделяло идею интернационализма, как общий принцип советского мироощущения. Однако в свете некоторых практических форм международного сотрудничества доверие к имеющимся лозунгам было уже не столь однозначным. Здесь прослеживаются две группы мнений. Первую составляют те, кто в силу убеждений или опыта (например, добровольческого) сохранил в себе чувство интернационального долга. Именно они становились подходящим адресатом для соответствующей агитации, и были эмоционально готовы к моральной и материальной поддержке любых дружественных СССР государств и движений. Ко второй относились люди, которые внешние отношения оценивали с более прагматических позиций. Сомнительная надежность союзничества, расточительность некоторых совместных проектов и, наконец, рост угрозы безопасности самого советского государства, – в их глазах все это было достаточным основанием, чтобы весьма скептически оценивать массово пропагандируемую «руку дружбы».

Рис. 3. Худ. В. Иванов (1949)

Рис. 4. Худ. Н. Ватолина (1953)

Рис. 5. Худ. К. Иванов (1950)

Исходя из основных типов героев наглядной агитации на внешнеполитические темы, можно выделить главные контексты глобализации советской повседневности – условно говоря, это *оборонный, трудовой, семейный* и, наконец, *интернационалистический*. Зачастую между ними не было четкой сюжетной границы. Агитки данных тематических направлений время от времени обсуждалась в прессе и подвергалась рефлексии со стороны их непосредственных авторов и критиков. В основном они оценивались с точки зрения вклада в пропаганду идей мира, солидарности и дружбы народов, которые, как в свое время признавала Н. Ватолина, стали вечными темами, глубоко захватывающими душу художника [18. С. 48]. Представляется, что ак-

туальность и призывная сила данных плакатов заключалась в том, что с обычными советскими людьми они говорили на близком им образно-символическом языке. И в лице граждан СССР, наглядная агитация порой обретала не просто аудиторию, готовую откликнуться на плакатные призывы, но и, в какой-то мере, реальных прототипов для образа положительного героя. С ее помощью советские люди должны были осознавать себя, прежде всего, поборниками мира и интернационалистами. Но при этом от них требовалось лишь исполнение вполне знакомых и привычных социальных ролей: защитника Родины (а в послевоенные годы у многих был воинский опыт), работника на производстве или, наконец, родителя, ответственного за

судьбу детей. Тем самым, в условиях холодной войны целью пропаганды стала не мобилизация населения на нечто экстремальное, а придание особых смыслов для повседневной жизни. Приведенные в статье суждения граждан, безусловно, не могут охватить все варианты политических настроений в 200-миллионном СССР. Но, будучи весьма типичными, они выстраиваются в определенную

цепочку мнений, по которой можно утверждать, что мирная риторика ни в коей мере не вызвала отторжения, хотя и обозначилась некоторая дилемма между призывами *защитить* прочный мир и *бороться* за него. Сложнее оказались интернационалистические чувства советских людей, вплетенные не только в абстрактную идею дружбы народов, но и в практику союзнических отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например, И. Семенов «Мы врага встречаем просто...» (1948), В. Брискин «Урок врагам» (1952), А. Лавров, Б. Ефимов «Ясно?» (1953).
- ² Примерно 41% плакатов с изображением военных одновременно содержали понятие «мир».
- ³ Иван Алексеевич Бородулин (1921–1997) – военный разведчик, полный кавалер Ордена Славы. Участник Парада Победы 24 июня 1945 г. Автор книги «Мы – разведка» (1970).
- ⁴ См., например, А. Кокорекин «Строитель, на вахте мира стой! Дома Москвы красиво, прочно, быстро строй!» (1950), Н. Терещенко «Во имя мира!» (1953); Л. Голованов «На вахте мира!» (1962).
- ⁵ См., например, Л. Лавров «Отстоим мир!» (1950), И. Кружков «Матери всего мира, вставайте на защиту мира! Борьтесь против поджигателей новой войны!» (на укр. яз., 1950), К. Иванов «Миру – мир!» (1951).
- ⁶ Песня «Если бы парни всей земли» (1957) на музыку В. Соловьева-Седого и слова Е. Долматовского.
- ⁷ См., например, Е. Соловьев «Нашу дружбу крепим, не словами, а делами!» (1956), М. Соловьев «Наша дружба крепка как сталь!» (1958), В. Каленский, И. Каленская «Наша цель – коммунизм!» (на рус. и кит. яз., 1959).
- ⁸ См., например, Н. Долгоруков «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить!» (1951), В. Брискин «Американская “щучка” и корейская наука» (1952).
- ⁹ В. Иванов «Пусть живёт и крепнет нерушимая дружба и сотрудничество советского и китайского народов!» (1951).

ЛИТЕРАТУРА

1. Шклярчук А.Ф., Снопков А.Е., Снопков П.А. 600 плакатов. М.: Контакт-Культура, 2004. 192 с.
2. Вашик К., Бабурина Н.М. Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 417 с.
3. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. URL: <http://psyfactor.org/lib/fateev0.htm> (дата обращения: 14.01.2019).
4. Мамедова А.О. Изображение американского образа жизни в советском политическом плакате периода «холодной войны» // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 3. С. 149–154.
5. Михайлин В.Ю., Беляева Г.А. «Наш» человек на плакате: конструирование образа // Неприкосновенный запас. 2013. № 1. С. 89–109.
6. Ворошилова М.Б. «Дружба крепкая не сломается»: визуальные символы дружбы в советском плакате // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 91–94.
7. О партийной и советской печати: сб. документов. М.: Правда, 1954. 691 с.
8. Советское искусство. 1948.
9. Правда. 1952.
10. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
11. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1514.
12. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2116.
13. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1965.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1353.
15. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1354.
16. Советское искусство. 1951.
17. Демосфенова Г.Л. Советский политический плакат. М.: Искусство, 1962. 444 с.
18. Ватолина Н.Н. Мы – плакатисты. М.: Сов. художник, 1970. 79 с.
19. Советская культура. 1958.
20. Иванов В.С. Как создается плакат. М.: Изд-во Акад. художеств СССР, 1963. 62 с.
21. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1356.
22. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 98. Д. 1631.
23. Советское искусство. 1950.
24. Советская культура. 1956.
25. ГАРФ. Ф. Р 7523. Оп. 78. Д. 140.
26. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2416.
27. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 98. Д. 1614.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2019 г.

The Globalization of the Soviet Everyday Life as Depicted on the Political Posters of 1946–64

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 209–218.

DOI: 10.17223/15617793/443/25

Egor A. Fedosov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: karamba243@yandex.ru

Keywords: USSR; Cold War; propaganda; agitational poster; Soviet person.

In the article, the main objects of analysis are political posters of the USSR of 1946–64, as one of the most significant, intelligible and massive forms of the broadcasting of the state ideology in the conditions of the Cold War escalation. The aim of the article is, on the basis of posters, to reveal the kinds of contexts the official propaganda engaged the Soviet people in the global agenda and to identify how the propaganda slogans fitted the world outlook of the common citizens. In the study, from about of 3 000 posters of the period 780 samples were selected whose textual or pictorial content directly or indirectly represented the international situation at the time. The article also deals with the Soviet periodicals that discussed the ongoing development of poster production and with ar-

chives, which reflected public opinions in the USSR, such as various reports about massive propagandistic campaigns, direct citizens' responses as well as letters of the Soviet people to the supreme power. The visual sources were studied by the methods of content and intent analysis, which allow classifying thematic categories and images of posters and tracking the dynamics of their creation and interconnection. The comments about political events or phenomena reflected in archive sources were grouped by the social type of addresser and, according to the extrapolation method, were considered as a possible reaction to the relevant images of the posters. The analysis allows reaching the following conclusions. Based on the main types of characters of the posters, the principal contexts of the globalization of the Soviet everyday life are identified: defense, labor, family and internationalism. Frequently, there was no clear difference in the plot between them. The posters were to help the Soviet people perceive themselves as vindicators of peace and internationalism. For this, people only had to perform quite familiar and habitual social roles: a defender of Motherland (during the postwar era many people had military experience), a worker in a manufacture, a parent responsible for the destiny of children. Thereby, in the conditions of the Cold War, the main aim of propaganda was to give specific senses for everyday life rather than mobilize people for something extreme. The analysis of citizens' political mood shows that the relevance and the invocatory power of the posters of the mentioned types consisted in the dialog with ordinary Soviet people using a familiar figurative and symbolic language. Sometimes visual propaganda saw citizens of the USSR not only as the audience ready to respond to the slogans of the posters, but, to some extent, as real prototypes for images of positive characters, too.

REFERENCES

1. Shklyarik, A.F., Snopkov, A.E. & Snopkov, P.A. (2004) *600 plakatov* [600 posters]. Moscow: Kontakt-Kul'tura.
2. Vashik, K. & Baburina, N.M. (2004) *Real'nost' utopii. Iskusstvo russkogo plakata XX veka* [The reality of utopia. The art of the twentieth-century Russian poster]. Moscow: Progress-Traditsiya.
3. Fateev, A.V. (1999) *Obraz vraga v sovetskoy propagande. 1945–1954 gg.* [The image of the enemy in the Soviet propaganda. 1945–1954]. [Online] Available from: <http://psyfactor.org/lib/fateev0.htm>. (Accessed: 14.01.2019).
4. Mamedova, A.O. (2011) The Depiction of the American Way of Life in Soviet Political Posters During the Cold War Period. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 3. pp. 149–154. (In Russian).
5. Mikhaylin, V.Yu. & Belyaeva, G.A. (2013) “Nash” chelovek na plakate: konstruirovaniye obraza [“Our” person on the poster: image design]. *Neprikosnovennyy zapas*. 1. pp. 89–109.
6. Voroshilova, M.B. (2015) “A friend in need is a friend indeed”: visual symbols of friendship in the Soviet political poster. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 3. pp. 91–94. (In Russian).
7. CS CPSU. (1954) *O partiynoy i sovetskoy pechati: sb. dokumentov* [On the party and Soviet press: Documents]. Moscow: Pravda.
8. *Sovetskoe iskusstvo*. (1948).
9. *Pravda*. (1952).
10. Zubkova, E.Yu. (1999) *Poslevoennoye sovetskoye obshchestvo: politika i povsednevnyy zhizn'. 1945–1953* [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN.
11. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1514. (In Russian).
12. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 2116. (In Russian).
13. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1965. (In Russian).
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1353. (In Russian).
15. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1354. (In Russian).
16. *Sovetskoye iskusstvo* (1951).
17. Demosfenova, G.L. (1962) *Sovetskiy politicheskiy plakat* [A Soviet political poster]. Moscow: Iskusstvo.
18. Vatolina, N.N. (1970) *My – plakatisty* [We are poster artists]. Moscow: Sov. khudozhnik.
19. *Sovetskaya kul'tura*. (1958).
20. Ivanov, V.S. (1963) *Kak sozdaetsya plakat* [How to create a poster]. Moscow: USSR Academy of Arts.
21. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1356. (In Russian).
22. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 98. File 1631. (In Russian).
23. *Sovetskoye iskusstvo*. (1950).
24. *Sovetskaya kul'tura*. (1956).
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 7523. List 78. File 140. (In Russian).
26. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 2416. (In Russian).
27. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 98. File 1614. (In Russian).

Received: 26 March 2019